

«Памяти моих близких людей посвящаю...»

Так начинает свой рассказ о блокадной жизни одной из тысяч ленинградских семей Галина Михайловна Боброва.

В одном из домов на Петроградской стороне в былые времена находилась казарма Гренадёрского полка. А перед войной в одной из квартир этого дома, который находился на углу улиц Скороходовской и Льва Толстого, жила простая ленинградская семья. Глава семьи, Михаил Михайлович, трудился на одном из ленинградских заводов. Хозяйка, Татьяна Васильевна, работала на ткацкой фабрике. В сорок первом старшая их дочь, Галя, закончила пятый класс. А её младшая сестра Ира успешно перешла в четвёртый. Лето первого года войны выдалось жарким. Семья всегда проводила лето в городе, небольшой достаток не позволял отправить детей на отдых. Михаил Михайлович старался в выходные дни вывозить семью за город. За лето успевали побывать на природе в Озерках и Шувалово. Часто бывали в Павловске и Пушкине. Загорали и купались. Сколько было впечатлений, когда зимой по вечерам рассматривали фотографии, сделанные Михаилом Михайловичем. Так бы шла-бежала и дальше обычная жизнь простой ленинградской семьи, но пришла беда.

Война! Михаила Михайловича на фронт не взяли. Завод, на котором он работал, перешёл на выпуск продукции для фронта. Его знания, опыт и умелые руки нужны были здесь. Началась эвакуация детей из города, фронт приближался. Школу, в которой учились сёстры, вывезли в Боровичи. Впервые оторванные от родителей Ира и Галя скучали и в каждом письме просили отца забрать их домой. Наконец Михаил Михайлович решил, что в такое время семье лучше быть вместе, и отправился в Боровичи за детьми. Поезда ходили редко и в день, когда планировали уехать в Ленинград, они на поезд опоздали. Кто знает, не было ли это опоздание знаком судьбы.

Через пару дней, уже на другом поезде, они проезжали одну из станций по пути в Ленинград. На обочине догорали вагоны разбитого немецкой авиацией того поезда, на который они опоздали. Не выжил никто. Девочки не узнали свой родной город-красавец. Он стал серым и мрачным, с наступлением ночи улицы погружались во тьму. Редкие прохожие цепляли на одежду светящиеся фосфорные бляшки, чтобы не наткнуться друг на друга. Уже ввели продуктовые карточки. Наступила зима сорок второго года. Вместе с морозами пришёл голод. Сто двадцать пять грамм хлеба. Это всё, на что могли рассчитывать дети этой семьи. Потихоньку сгорала в буржуйке богатая семейная библиотека. Вода из проруби в Неве. Из проруби, до которой ослабевшим от голода людям ещё надо

было дойти. Бывало и так, что на обратном пути чайник с водой выпадал из ослабевших рук, а на обратную дорогу сил уже не было. Город бомбили и обстреливали по несколько раз в день. В их небольшом доме на 12 квартир подвала не было и при объявлении тревоги все собирались в одной из квартир на первом этаже, где и ждали отбой тревоги.

Однажды и в их дом попал снаряд, к счастью, никто из жителей не пострадал. Повезло им и во время одной из бомбёжек фашистской авиации. Как всегда, все соседи собрались на первом этаже. Бомба попала в другую сторону дома, снесла угол, где находилась кухня. Крики, плач детей. Это была страшная ночь. Горела ткацкая фабрика «Первое мая», рвались бомбы рядом с зоопарком. Весь район был освещён пожарами. Михаил Михайлович уже с трудом мог дойти до работы. А однажды не вернулся вечером домой. А через неделю до них дошла медсестра из больницы «Скворцова-Степанова» с известием, что Михаила Михайловича подобрали на улице. Дистрофия. Нужны продукты. Галя с невероятным трудом смогла за 600 рублей купить на рынке буханку хлеба. Все вещи, которые можно было обменять на хлеб, уже давно закончились. Татьяна Васильевна уже с трудом добиралась до госпиталя, где она в это время работала санитаркой.

В город поступало много раненых, госпиталя размещали в школах. Гале самой приходилось пешком ходить с Петроградской стороны в конец Лесного проспекта к отцу в госпиталь. Уходила рано утром и возвращалась уже в темноте. Совсем ослабла и уже не вставала с постели Татьяна Васильевна.

В начале марта сорок второго года её не стало. А через двадцать дней умер и Михаил Михайлович. Их тела завернули в одну простынь, и на саночках отвезли на Серафимовское кладбище.

Недалеко от их дома жила сестра Татьяны Васильевны, тётя Надя. Вот к ней со слезами на глазах и пришли сёстры. Тётя Надя с мужем решили оставить девочек у себя. Тогда это был поступок со знаком «плюс». Смерть от голода косила всех подряд, и взять на себя ответственность за двоих детей было непросто. Галина пошла в ремесленное училище, прошла ускоренное обучение и вскоре работала на военном заводе фрезеровщиком. В цеху было холодно, замерзала эмульсия, которой охлаждали фрезу во время работы. Плохое питание давало себя знать, и вскоре Галя не смогла встать с кровати. Её положили в заводской санаторий для дистрофиков. Давали витамины, казеин. Девушка стала потихоньку набираться сил.

А однажды в палату вбежала сестра с известием, что блокада прорвана. Сколько было радости, сколько было слёз. Все говорили только о том, что теперь досыта наедятся хлеба. Выписали Галю только через месяц, к станку вернуться она не могла, было ещё очень слаба. Соседка по дому устроила её к себе на завод. Старательная, трудолюбивая девочка стала стахановкой и получала дополнительные талоны в столовую. Так называемый стахановский паёк. Это была для познавшей голод девочки самая большая награда. Ленинград оживал.

Пережившие блокаду ленинградцы приводили город в порядок. Убирали с улиц грязь и руины разбитых домов. Салют в День Победы выжившие жители дома смотрели с крыши. Слёзы радости и горести перемешались в этот день на лицах ленинградцев. Училась дальше Галина в вечерней школе. Её наградили

медалью «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд во время войны». Ира закончила учёбу в школе и поступила в техникум, стала инженером. «Они выросли честными и добрыми жителями своего родного Ленинграда», — такими словами закончила свой рассказ Галина Михайловна.

Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 34 (829), 6 сентября 2018 г.